

ПЛЕНАРНЕ ЗАСІДАННЯ

Румянцева Татьяна Герардовна,
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии культуры
факультета философии и социальных наук
Белорусского государственного университета

ОСНОВНЫЕ ПАРАДИГМЫ КЛАССИЧЕСКОГО И НЕКЛАССИЧЕСКОГО ТИПА ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Философская классика и пришедший ей на смену новый исторический тип философствования, различаются между собой по целому ряду парадигмальных установок, определяющих как специфику задания самой проблемной сферы философского знания и способов его организации, так и стиль мышления и трактовку базовых философских концептов. Уже в философской литературе советского периода были предприняты попытки выявить и описать суть этих различий, а также предпосылки, приведшие к появлению нового типа философской рациональности. Здесь следует отметить, прежде всего, т.н. «нашумевшую статью трех» – ставшую своего рода классикой при осмыслении данной проблемы [1], а также ряд работ неугодного тогдашним властям философа, одного из этой «тройки» – М. Мамардашвили [2]. Однако и сегодня проблема сравнительного анализа главных презумпций т.н. «классики» и «неклассики» остается актуальной, тем более что она является предметом рассмотрения в академических курсах, преподаваемых на философских факультетах и отделениях университетов.

Под философской классикой принято понимать определенную общую ориентацию и стилистику мышления, характерную главным образом для философии XVII – первой трети XIX вв. Самосознание и самоосмысление нового движения в философии, условно квалифицируемого как неклассический тип философствования и также условно датируемого с середины-последней трети XIX в., начинается, по сути, с содержательно-аксиологического дистанцирования, «отталкивания» от классики. Это отталкивание постепенно приобретает форму достаточно радикального отвержения предшествующей философской традиции; от отрицания, во многом еще полукритицистского, половинчатого, начинается переход к жесткому, постмодернистскому, а затем и антифилософскому по своей сути натиску. Таков, выражаясь, разумеется, предельно кратко и рельефно, путь от классики к неклассике. Именно через этот разрыв с предшествующей традицией, разобрав, что называется, все его составляющие, и целесообразнее всего выявить и сопоставить по пунктам парадигмальные установки как классического, так и неклассического типов философии [3, с.6].

1. Философская классика – это, прежде всего, строгая приверженность метафизической проблематике; поиски сущности, истины, конечных,

субстанциальных оснований бытия и сознания. Сама философия здесь практически изоморфна метафизике, которая ассоциируется со стремлением увидеть мир устойчивым и целостным, возвыситься над множественностью вещей и явлений в надежде увидеть их единство – тот знак реального, что за ними стоит и их порождает. Будучи занята поиском предельных оснований бытия и познания, классика в лице метафизики пыталась прорваться через феноменальную данность мира к его подлинной сущности. Именно эта приверженность метафизике была радикальным образом не просто переинтерпретирована, но разрушена в неклассической философии, одной из главных характеристик которой стала резкая антиметафизическая установка, своего рода «запрет на метафизику» и отвержение любых спекулятивных представлений о сущностных основаниях мира.

Сама метафизика в неклассической философии стала пониматься как спекулятивно-философский метод, альтернативный непосредственно-эмпирическому (в неопозитивизме), субъективному конструированию реальности (в феноменологии), адекватному способу бытия человека в мире и способу его осмысления (экзистенциализм), специфическим образом понимаемому методу диалектики (марксизм) и т.д. В границах нового типа философии последняя, в лице метафизики, лишилась веками складывавшихся априорных гарантий и критериев, а вместе с тем, и статуса дисциплины оснований; так будет провозглашен, а затем и обоснован в принципе новый предмет философской рефлексии как сфера повседневной самопонятности, интуитивного, дотеоретического знания.

2. Важной чертой философской классики было использование строго определенной системы категорий, своего рода эталоном которой была кантовская таблица чистых понятий рассудка. Однако, начиная примерно с середины XIX в. и по настоящее время наблюдается «раздвижение» границ традиционного понятийного аппарата до категориальной системы, охватывающей в принципе новую предметную область и новые отношения между различными областями человеческой деятельности. Философия стремится охватить всю культуру в целом, выходя из берегов своих привычных абстракций на широкое поле культуры. Для описания этого нового мира она использует в принципе другие понятия. Яркой иллюстрацией этой мысли мог бы стать «понятийно-категориальный аппарат» хайдеггеровской экзистенциальной аналитики с его *Dasein*, *das Man*, Подручностью, Заботой, Ужасом и т.п. Хотя такой тип категориально-понятийного аппарата, несмотря на заведомую условность составляющих его вербальных средств и отказ от необходимости их соотнесения с описываемой реальностью, демонстрирует порой весьма продуктивные возможности, включая в круг философского осмысления ранее в принципе не фиксировавшиеся феномены.

3. К парадигмам философской классики принято относить и ее претензию на систематическую целостность при конструировании картины реальности, на завершенность знания, веру в естественную упорядоченность и разумность мира, наличие в нем внутренней логики. Эта презумпция классики получила название логоцентризма, т.е. идеи о том, что бытие имманентно пронизано

логосом, и мир всегда поворачивает к нам свое, легко поддающееся чтению лицо, которое остается только расшифровать. Речь идет об убежденности в способности разума постичь бытие и устроить его на разумных началах. Эта особенность классики связана с доминированием специфического типа философской рациональности, характеризующегося признанием ведущей роли разума, мыслившего реальность как обязательно познаваемую и, более того, способную подвергаться переводу из «неразумного» состояния в «разумное». Она будет резко отброшена неклассической философией, как, впрочем, и все попытки реконструировать имманентный смысл мира в рамках единой целостной модели.

4. Применительно к трактовке базовых философских концептов и познавательных процедур следует выделить специфический для каждого из типов философствования способ задания человеческой субъективности или наличие существенных различий в трактовке субъекта познания. Так, Мамардашвили полагал, что для классического рационализма были характерны представление о «прозрачности» для познающего субъекта собственного сознания; представление о непрерывном совершенствовании предзаданных свойств разума в истории, а также идея о сводимости всех слоев и уровней сознания к некоторому единому рациональному центру [2, с.10-11]. Согласно классической конструкции рефлексивного сознания, адекватно познать мир можно было только при условии воспроизведения и фиксации в нас самих схемы представления объекта в сознании как безусловной, очевидной инстанции, с помощью которой наше предметное представление уточняется и очищается. Выделяя рационально очевидные образования в составе внутреннего опыта, субъект одновременно усматривал основные характеристики мира как такового. При этом акцентировалась «чистота» и универсальность сознания и человеческая субъективность рассматривалась и как инстанция, занимающая привилегированное место в мире – вне любых систем отсчета – и потому способная к усмотрению абсолютной истины. Такое присутствие субъекта в качестве абсолютного наблюдателя, являющегося к тому же автономным, конечным и последним источником всех содержаний сознания обозначается как принцип трансцендентализма [2, с.50].

В неклассической философии наблюдается постепенное блокирование действия данного принципа и распад классического субъекта и всех традиционных субъектно-объектных отношений, а также появление впоследствии совершенно «скандальной» для классики «бессубъектной философии». Новая философия показала, что субъект всегда находится не вне, а внутри мыслимого, вовлечен в то, что он собирается помыслить. Отсюда и возникает герменевтическая ситуация для сознания, суть которой в осознании изначальной взаимопринадлежности субъекта и объекта, а не их противостояние. На смену бинаризму S-O оппозиции, являвшейся поистине семантическим стержнем классической философии, организовывавшим пространство философского мышления, приходит утрата ею своего основополагающего статуса. Задается в принципе иной вектор философствования.

5. Классическое мышление исходило не только из тождества мысли и бытия, но и тождества мысли и языка. В классике языку отводилось исключительно промежуточное место между мышлением и миром. Будучи философией сознания, философская классика рассматривала его в качестве ординарного, всегда контролируемого средства логической работы, как инструмент представления, как то, с помощью чего можно отобразить весь мир в этом представлении и то, чем можно вполне успешно манипулировать.

Начиная с Ницше, философия приходит к активному исследованию отношения между языком и миром, к экспериментам вокруг языка, понимая его как нечто самодостаточное, самоявляющееся; т.е., как многослойное образование, приобретающее самостоятельное значение. Конституирование мира здесь приписывается уже не трансцендентальной субъективности, а грамматическим структурам языка. Происходит то, что принято квалифицировать как «лингвистический поворот» – переход от философии сознания к философии языка, перевод философских проблем в сферу языка и решение их на основе анализа языковых средств и выражений. Наступает период значимости языковой доминанты культуры.

6. Применительно к сфере социально-философской проблематики следует отметить специфику моделирования социальных процессов в различных исторических типах философствования. Так, классика по преимуществу стремилась обнаружить в истории какие-то регулярности, закономерности, которые указывали бы на истинную природу человека и на основе которых можно строить политические и правовые институты, не искажающие эту природу. Сама история рассматривалась здесь как разумный, закономерный, линейный и прогрессивный процесс. Переход к неклассическому типу философствования характеризуется стремлением продемонстрировать скорее многомерность всемирной истории, которая, как хорошо показал XX век, в принципе не укладывается в единую схему – будь то гегелевская триада – древность, средневековье, новое время, или марксистская схема общественно-экономических формаций. На смену исключительно вертикальному вектору исторического развития (с признанием единого смысла и цели истории, единого ее субъекта и т.п.) приходит представление о сменяемости, а не преемственности отдельных исторических образований. История приобретает скорее горизонтальный, одноплоскостной и циклический характер. На первый план здесь выходят уникальность и неповторимость исторических событий и культур (О. Шпенглер и др.) [3, с.13].

7. Следует акцентировать и специфику моделирования антропологической проблематики в классической и неклассической философии. В классике мы наблюдаем своеобразный когнитивизм в интерпретации человека, согласно которому последний понимается только как познающий субъект, «сократический тип человека», по Ницше. В неклассической философии происходит расширение трактовки человека посредством введения в трактовку его бытия проблем, связанных с социально-историческими и физиологическими основами его существования. Речь идет о его перманентной инкорпорированности в социальную и культурную среду, исследовании

феноменов сексуальности, болезни, безумия, смерти и т.п. Классическое понимание человека как, прежде всего, носителя рациональности, а также его цельность расшатываются противостоянием «оно», «я» и «сверх-я» (Фрейд), сведением его сущности к совокупности («ансамблю») всех общественных отношений (Маркс) и т.п.

Итак, в отличие от классики, являвшей собой последовательные, гармоничные построения в виде тщательно разработанных специальных систем дисциплин с явно выраженной дифференциацией и демаркацией границ между проблемными областями – онтологией, гносеологией, этикой и т.п., в неклассической философии границы между ними фактически размываются. Это делает почти невозможным произвести соответствующую демаркационную разметку; вся проблематика содержательно выстраивается на стыке ряда разделов, что называется «по краям». Все эти радикальные трансформации, которые суммарно можно свести к смене предмета философской рефлексии и, соответственно, способов постижения этой новой проблемной сферы, и обусловили превращение философии из абстрактно-спекулятивной рефлексии по поводу науки и научного знания в размышления и поиски новой системы отношений между человеком и миром, когда философия занята не систематизацией мира или научных дисциплин, а миром повседневных жизненных смыслов, все больше превращаясь, по Рорти, в один из способов сглаживания напряжений между сферами культуры.

Литература

1. Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии / Философия в современном мире. Философия и наука. Критические очерки буржуазной философии. – М., 1972.

2. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности / М.К. Мамардашвили. – М., 1994.

3. Современная западная философия. Под общ. ред. Т.Г.Румянцевой. – Минск, 2009.

Белокобыльский Александр Владимирович
доктор философских наук, профессор,
професор кафедры философии
Донецкого национального университета
имени Василя Стуса

ГДЕ И КАК ЗАРОДИТСЯ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ?

В середине и второй половине XX века кибернетики ожидали создания искусственного интеллекта в ближайшие годы. Он представлялся в виде суперкомпьютера, воспроизводящего мышление человека. Правда, к концу века надежды поубавилось, так как неслыханный прогресс в совершенствовании компьютерного «железа» так и не привел к рождению искусственного